

Лариса Теплякова

РАЗВЕДЕНЦЫ

Лариса Теплякова

Разведенцы

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10015089
Разведенцы / Лариса Теплякова: Авторское; Москва; 2015

Аннотация

Каждая глава романа «Разведенцы» – словно кипящий котелок человеческих страстей. Реальные современные истории разводов и жизни после разрыва отношений соединились в одной книге. Возможно читатели как в зеркале увидят собственное отражение и вместе с героями романа найдут ответы на животрепещущие вопросы.

Содержание

Часть 1	4
Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	23
Глава 5	28
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Лариса Теплякова

Разведенцы

*Призрак счастья тускл и дробен.
Жизнь – томительный обман...*

В. Ходасевич

Часть 1

Жена

Глава 1

Муж исчез

Муж не явился домой ночевать.

Банально до тошноты, но если случается впервые, однажды и вдруг, то ощущается как катастрофа.

У Али Калиновской тревога нарастала постепенно, от часа к часу. Она не обзванивала друзей и родственников. Альбина терпеливо набирала сотовый номер самого Виктора, а он откликался на звонки жены редкими и краткими SMS-сообщениями – «занят», «перезвоню позднее». После полуночи аппарат вызываемого абонента вовсе стал недоступен, словно Виктор вычеркнул жену из списка значимых для него людей.

Видимо, Виктор отключил телефон сам, оборвал связь с миром простым нажатием маленькой кнопки. Але же показалось, что ей прострелили голову. Но не добились, а оставили мучиться.

Живёшь с мужем полтора десятка лет, и уже хорошо знаешь, что он предпочитает на завтрак, на каком боку крепче спит, как стопчет каблук новых туфель, которые вместе покупали в Париже, и когда он поменяет автомобиль. Готовишь для мужа сложносочиненные супчики, подбираешь галстуки, покупаешь экстравагантное нижнее бельё с мыслями о нём... Дышишь с ним одним воздухом, чувствуешь его недомогания как свои собственные, потому что за все годы настолько срослись телом и душой, что уже почти обрели общую кровеносную систему... По дому ходит вихрастый мальчик с его глазами, руками и ухмылкой, общая плоть и кровь – её и Виктора, и вдруг этот мужчина уходит, ускользает и отделяется лживыми отписками, словно не было между ними ничего важного, большого, трепетного. Какие причинно-следственные связи оказались сильнее семейных уз – непостижимо. Але знала своего мужа Виктора как человека дела, человека слова. А тут ни слов, ни дела. Пусто.

Ночь прошла кое-как, мучительные размышления перемежались с тревожным сном. Пытка длилась до рассвета, а ранним-ранним утром обожгло озарение: в их благополучной жизни образовалась трещина. Разразилась острая драма, и как разовьется сюжет, трудно вообразить. Почему-то ей казалось, что Виктора нет в Москве, но соображения были куцые, бедноватые. Але запуталась в догадках и не знала, что ей думать и делать.

Заявлять в полицию бесполезно. Ведь муж Али, Виктор Калиновский, отсутствовал не более суток! Всего-то! Это частный и частый казус, с кем не бывает. Вот если супруг дня три, а лучше неделю, не подаст признаков жизни, то уже другое дело, тогда беги, обращайся в органы, бей во все колокола, подключай родню!

Муж Виктор признаки жизни подавал. Супруг эсэмэсил неохотно, небрежно, но всё же был жив, и ситуация была вполне житейская, хотя и неприятная для супруги. А человек-то для общества не потерян! Он просто не вернулся в свою ячейку под названием «Семья» и не желал пояснять причины.

Виктор прекрасно знал, что Аля терпеть не могла эти электронные телеграммы в виде SMS-сообщений! Она всегда считала их отписками, уклонением от серьёзного разговора. Порой Аля вообще начинала ненавидеть величайшее изобретение XX века – сотовую связь! Вроде бы придумано для комфорта, а мобильники разобщи́ли людей, вытеснили живые разговоры и взгляды глаза в глаза. Теперь нет необходимости встречаться – можно просто позвонить из любого медвежьего угла или послать SMS. Даже влюбленные парочки объясняются этими чёртовыми смс-ками, перемежая буквы и цифры, забывая о запятых, сокращая слова и вставляя вместо них смайлики!

«Как ты зайка?»

«Ок!»

«Я тя лю!»

«:))»

«4то делаешь?»

«пересечемся?»

«надо подумать»

«о5 некогда?»

«да»

«поки-4моки думай у меня дела»

Типичный разговор современников. И чем больше возможностей для контактов на расстоянии, тем меньше душевности. Везде можно увидеть зомбированных сограждан, которые пальпируют свой мобильник в режиме нон-стоп. Им кажется, они активны, они на связи с миром. Но вместо живых эмоций – набор условных символов. Эрзац-общение. Фейк.

Даже скандалят посредством SMS! Безмолвно и на расстоянии. Ни шума, ни крика, ни уничижительных испепеляющих взоров. Взаимный обмен сообщениями. Тихо... И очень больно.

Получая послания Виктора, Аля вздрагивала. Сигнал мобильного, возвещающий о новом SMS, пронзал словно током, а внутри klokотали невысказанные слова. Нормальный взрослый человек обязан позвонить и объясниться, чтобы ни случилось!

Обязан, а не звонит. Не нормален? Пренебрегает обязанностями? Оказался в трудной ситуации? У него серьезные проблемы?

Ответа не было. Мысли кружились и упирались в тупик. Мозг не формировал ни страшных видений, ни логических умозаключений. Интуиция скукожилась, здравый смысл онемел. Ничего толкового на ум не шло – хоть пой, хоть плачь, хоть расшибись об стену. Виктор обозначился в пространстве лаконичными сообщениями, а сам мог находиться где угодно, и ищи-свищи его с системой ГЛОНАСС!

Жизнь Альбины Калиновской держалась на трёх китах: муж, работа, ребёнок. Нет, не так, не в той последовательности. Муж, сын, работа – так точнее. Это её три опоры. Но в прошедшую пятницу один, самый главный кит, уплыл в неизвестном направлении и даже

не назвал сроков возврата, а другой, ещё китёнок, мельче и моложе, отбыл из дома в четверг вечером. Сын уехал с классом в Санкт-Петербург, и тоже слал Але пресловутые SMS-ки! Аля знала, что скорый вечерний поезд из Москвы прибыл в город на Неве рано утром, по расписанию, и детей уже разместили в гостинице. А что ей ещё нужно знать? На что может рассчитывать мать четырнадцатилетнего тинэйджера? И за это ему большое спасибо. Наступил возраст отрочества, и мальчик Вова уже не нуждался в постоянном общении с любящей и заботливой мамой. Он даже по возможности избегал продолжительных контактов с родителями, но это хотя бы было понятно и даже где-то естественно, а поступок мужа её обескураживал. Жили – не тужили, и вот тебе, голубушка, сюрприз! Как это принять и что предпринять?

Два кита устранились, твердь накренилось, и оставалась третья опора – работа. Ей, ответственному секретарю редакции многостраничного еженедельника, было чем заняться даже в субботу, да и дома всегда найдутся чёрные дыры в хозяйстве, но у неё не получалось сосредоточиться. Аля пыталась увлечься каким-нибудь полезным делом, но всё выходило фальшиво и даже наигранно. Так бывает в плохом спектакле: героиня бестолково бродит по сцене, нервно перекладывает мелкий реквизит с места на место, а сюжет провисает, и зрители начинают зевать, ожидая развития событий. Немые эпизоды в её собственной пьесе слишком затянулись! Аля не умела долго молчать, ей всегда требовался равнодушный собеседник, чтобы выговориться и встрепенуться. Она всё же решила рассечь круг молчания, нарушить мёртвую тишину в доме и кому-нибудь позвонить. Тому, кто ответит живым голосом, по обычному домашнему телефону.

Так уж повелось, что своей матери Альбина рассказывала только хорошее, и никогда не жаловалась на семейную жизнь. Мать жила в уверенности, что у Али всё образцово-показательно, о чём можно с важностью заявлять в беседах и гордиться собой, потому что она сумела воспитать и наставить дочь как положено. Рассказывать приятельницам о выходе Виктора Але не хотелось. Со всеми родственниками мужа Аля поддерживала уважительные отношения, но истинная близость образовалась только с родной сестрой Виктора, Ларой. Золовка была старше Али на десять лет, но, несмотря на эту разницу в возрасте, они дружили. С годами Лара стала и подругой, и товаркой во многих делах, и наперсницей. Именно Ларе Аля обычно звонила в самые трудные и счастливые минуты.

– Лара, это я, – произнесла Аля, когда услышала в трубке мажорное «алло».

– Альбина! Привет! – Лара чаще всего называла сноху полным именем. – Как дела? Какие планы на выходные?

– В общем-то, никаких, – грустно призналась Альбина.

– А я тебе сейчас расскажу, куда мы собрались! Кстати, можете к нам присоединиться. В общем, полный улёт, вернее, отплыв! Слушай! – голос Лары звучал молодо, оживленно, весело, она наслаждалась возможностью поразить сноху. – Мы сегодня едем спускаться на воду катер! Друг Димы купил катерок! Причем, он сделал это на восьмое марта, представляешь? Вот подарок, да? Мол, будем, дорогая жена, совершать романтические прогулки, освежать супружескую жизнь! Мужикам не терпится опробовать посудину. Они неделю назад заявили, что в эту субботу у нас мероприятие. Нас две пары, но вина и коньяка многовато, закупили как на юбилей. Собираемся в круиз по Москве-реке, но что из этой затеи получится, я даже не представляю!

– А кто будет рулевым? – Аля задала вопрос по инерции, безучастно и безрадостно. В тот момент никакие увеселительные прогулки её не интересовали, но она ощущала Ларочкин позитив и из вежливости поддержала тему.

– Вообще-то курсы по вождению окончил хозяин судна, Сева, но, думаю, что рулить будут оба. Это на дорогах не забалуешь, а на водных просторах пока ещё можно пошалить, и мы с Севкиной женой, Танюшкой, уже предвкушаем крутые мужские забавы, готовимся серьёзно. Если наши мужики к катеру прикипят, полюбят это дело, то придется и нам осваивать вождение на воде. Как запасным пилотам. В общем, я укладываю закуску, одноразовую посуду, на всякий случай сапоги резиновые беру, куртки с капюшонами, аптечку, – перечисляла Лара.

Аля слушала старшую подругу и беззлобно усмехалась про себя. Всё-то у Лары продумано и рассчитано, и даже на однодневный отдых она собирается основательно! Вначале прогулка по реке, затем – грамотный, полезный ужин дома. Наверняка у Ларочки в холодильнике припасены кастрюльки и с супчиком, и с тушеным мясом. Всё правильно: май, суббота, время гулять и радоваться жизни. Активные люди живут по полной программе.

– Не много ли вещей берете? – с легкой иронией спросила Аля. – Что, катер такой вместительный?

– Средний катерок, на восьмерых! – задорно ответила Лара. – Там вполне ещё вам с Витей места хватит. Слушай, давай я сейчас переговорю с Димой и с Севой, и вы к нам присоединитесь, а? Как же я вчера не подумала об этом! Балда я, балда!

– Нет, Ларочка, мне сейчас не до прогулок, – отказалась Аля.

– А что так? Занята?

– Да не так, чтоб очень... Слушай, тебе Витя не звонил?

– Витя? Звонил! А что?

– Когда? – напряженно произнесла Аля. Звук собственного голоса забренчал у неё в мозгу так, словно кто-то рванул гитарную струну, заставив её вибрировать с пронзительным звоном.

– Вчера. Вечером. Я как раз на кухне крутилась у плиты, – чуть помедлив, ответила Лара. – А что?

Значит, сестре Виктор звонил сам, а на жену не нашел времени! Аля решила не рисоваться, не таиться, а сказать, как есть:

– Он сегодня не ночевал дома, и мне беспокойно!

– Так Витя уехал, вот оно что! Альбина! А ты как маленькая! Будто твой муж впервые отсутствует! Как будто бы Витя в командировки никогда не ездил! – одёрнула её Лара по праву старшинства. – Тебе что, плохой сон приснился? Так быстренько расскажи мне, и мы развеим злые чары.

– Разве братец тебе не поведал, что он вовсе не в командировке находится? – съехидничала разочарованная Аля.

Аля знала, что Виктор удивительно близок со старшей сестрой. Разница у них в возрасте небольшая, всего-то четыре года, но дело даже не в этом. Родные брат и сестра очень различались – характерами, внешностью, но всегда заботились друг о друге, и не то, чтобы дружили, а как-то оставались тесно связанными невидимыми прочными узами. Шли по жизни, не упуская один другого из виду, в вечной готовности помочь и поддержать, если потребуется, и, дёргая за связующие ниточки время от времени. Чаше нити родства натягивала Лара, и даже Аля ощущала, когда она это делала. У Альбины мелькнула надежда: вдруг Лара и сейчас проникнется и так закрутит родственные узы, что Виктор быстро объявится.

– Мы об этом не говорили. Мы вообще о его рабочих делах не упоминали. Он спросил у меня про одну общую знакомую по школе, сказал, что видел её, встретил внезапно, и так, уточнил кое-какие мелочи бытия из жизни старой приятельницы, – ровным голосом пояснила Лара, но Альбина, как чуткая зверушка, уловила слабые интонации сестринской озадаченности. Ага, голубушка, тоже призадумалась! Ну, давай, обрабатывай в умном мозгу

свежую информацию, и скорее принимай меры! Ларе она этого не сказала, но не всё обязательно нужно произносить вслух.

– Так, может, он сейчас с этой однокашницей весело проводит время? – с нервным вызовом спросила Аля.

– Да причем тут она! Девчонка училась в его классе, жила с нами в одном доме. Молчаливая была, такая отличница-промокашка. Витя и не дружил с ней, так, знались, не более того, – голос Лары сделался почти убаюкивающим, словно она терпеливо уговаривала расшалившегося ребенка.

– Ну, этой девчонке сейчас уже перевалило за сорок! Промокашка могла стать поразговорчивей, чем в школе. И расцвести могла именно к сорока годам, это иногда случается с некоторыми особами, – Алю несло. Её прорвало, и она едва сдерживалась, чтобы не повысить голос. – И твой братец мог с ней любовь иметь. Первую. Незабываемую. А ты могла не знать об этом. А старая любовь не ржавеет! Она бронзовеет, и даже золотится с годами! Встретил спустя годы, и закружилась голова. Спешно решили добрать то, чего не поимели в юности. Разве так не бывает? Довольно банальная история, правда, не ожидала, что это может случиться с моим Виктором.

– Альбина, не начинай! Не начинай, я тебя прошу! – Лара сказала это нарочито-дурашливым тоном, каким говорят озорные хохлушки, героини комедийных теле-шоу и ситкомов. Она пыталась высмеять ситуацию и всё свести к шутке. – Я всех Витькиных любовей знаю – первых и последних. Ты – последняя и единственная!

– И где он тогда? Какие у тебя варианты? Тебе он звонил, и ни с того, ни с сего интересовался фактами из жизни одноклассницы, а мне не удосужился позвонить и сообщить, где находится, и когда дома появится. Как я должна это понимать? И кстати, что он спрашивал про ту чудесную одноклассницу? – резко поинтересовалась Аля.

– Он спрашивал, не помню ли я, кем были её родители.... За кого она замуж вышла.... Ну, она из семьи медиков. А что касается его отсутствия... Ты же знаешь, какая у него работа! Учредители его фирмы люди-то непредсказуемые! Они же чудики! Сколько раз они внезапно засылали Виктора в какие-то срочные поездки! – Лара урезонивала Альбину как могла.

Владельцы фирмы, где Виктор работал уже пять лет, два брата-близнеца, люди состоятельные, щедрые до расточительности для себя, но прижимистые для всех остальных, жили на два города – Москва и Лондон – и возникали порой как «двое из ларца, одинаковых с лица». Возможно, у них была своя хитрая стратегия, но чаще всего их действия выглядели сумасбродством. Фирма занималась строительством торговых и выставочных комплексов, и объекты были раскиданы в разных точках – как по Москве, так и по Подмоскovie, и даже прилежащим областям. Иногда Виктору приходилось срочно выезжать, покидать Москву на несколько дней, но он всегда-всегда-всегда держал жену в курсе своих дел! Он звонил и пояснял ей ситуацию. Аля чувствовала его заботу и внимание. Всё просто, никакой драмы. И никаких СМС, только живые звуки. Самые незначительные слова проговаривались супругами, как пароли заговорщиков. Она понимала, что он хочет выразить. Я тут, ты там, но мы любим друг друга. Как в песне: «И мне до тебя, где бы ты ни была, дотронуться сердцем нетрудно... Мы эхо, мы эхо, мы долгое эхо друг друга». Как-то так было между ними. А теперь, со вчерашней пятницы на субботу, всё резко изменилось. Ни слов любви, ни эха. Песенка спета. Скользили по спокойной реке с названием «Семейное счастье» и приплыли. Светлые воды вынесли к опасному водопаду.

– Ларочка, я понимаю, ты братца выгораживаешь, но в этот раз что-то не то происходит, поверь мне. Я чуйкой чую, – грустно, без всякой позы, отшутилась Альбина.

– Ну, я не знаю, у меня сведений нет и аргументов тоже! Пока нет. Но будут! Альбиночка, давай мы за тобой заедем! Вместе погуляем, проветримся, вина выпьем, всё по полочкам разложим, и тебе полегчает, и Витёк обнаружится. Я сама ему позже позвоню, – ласково запричитала Лара.

– Нет-нет, пожалуйста, не надо, не звони ему! – попросила Аля. – А то получится, что я родню всполошила, сор из избы вынесла, и сама же виноватой окажусь. И вы с Димой отдохните без заморочек. Собирались в круиз по речке – вот и плывите! Потом расскажешь, как погуляли. А я дома останусь, мне статью надо редактировать, на письма отвечать. Да и братец твой может в любую минуту заявиться, так что буду ждать мужа дома, как верная покорная жена.

– Слушай, мне вот что вспомнилось, – задумчиво добавила Лара. – Витя с другом, лет в 10–12, страстно мечтали сесть в поезд и проехать всю страну, до Дальнего Востока. Просто так. А потом обратно. Причем его дружок однажды, спустя годы, это сделал! После какого-то банкета. Был подшофе. Взял такси, рванул на вокзал и укатил на поезде. Добрался вроде бы до Читы. Оттуда телеграмму прислал домой. Тогда сотовых телефонов ещё не имели. У него и денег с собой мало было, ему срочный перевод высылали...

– Что-то слышала об этой эскападе школьного друга. А ты к чему вспомнила? Думаешь, Виктор уехал в Хабаровск посмотреть, где Россия заканчивается и заканчивается ли эта страна вообще? Значит, не скоро вернётся наш муж и брат, особенно если на поезде! – горько усмехнулась Аля.

– Да не думаю, чтобы именно туда. Далековато всё же и хлопотно. Может, просто в ближайшее Подмосковье. Бывает ведь, что человеку нужно побыть одному, – рассуждала Лара. – Иногда человеку хочется ощутить свободу действий. От всех обязанностей. На время. Это не страшно, поверь. Он просто мог устать, утомиться, замотаться. Жизнь-то ведь как по расписанию, а иногда хочется воли. Ну, да, эскапада, но не преступление же! И, мы, близкие люди должны его понять.

Аля чувствовала, что у них не равнозначные модули эмоций. Ларе было необходимо и достаточно знать, что брат жив и здоров. Але этого было мало. Необходимо, но не достаточно. Ей остро требовалось ощущать любовь и внимание мужа. Можно и в Хабаровск уехать, но не отключать телефон.

– А если он в ближайшем Подмосковье с одноклассницей раскрепощается? – насмешливо предположила Аля, но уже сказала это без того запала, который возник в начале беседы. Так, ради шутки-подковырки вставила.

– Далась тебе эта одноклассница! – строго возмутилась Витина сестра. – Не такой он простак, чтобы потерять голову из-за случайной женщины и тупо с ней исчезнуть. Витя обставил бы всё умнее.

Золовка четко дала понять, что не собирается поддерживать ревнивые опасения снохи.

– Ладно, Лара, пока. Так мы с тобой нагородим кривой забор из нелепых домыслов. Не люблю впустую гадать. Иди уже, одевайся, не задерживай компанию! Счастливого плаванья! – пожелала Аля.

Аля распрощалась с Ларой, положила трубку и в который уже раз посмотрела на улицу. За окном по-прежнему золотился и искрился чудесный майский день, выпавший на субботу. Город словно встрепенулся, помолодел и похорошел, залитый солнцем и счастливым предчувствием лета. Проворные лучи яркого света проникали всюду. Они и в квартиру пробрались, и проказливо скользили по комнатам, оставляя блики. Именно таких тёплых, ослепительных, задорных дней ждёшь всю долгую зиму, надеждами на них утешаешься в слякотное, ветреное межсезонье, когда лечишься от насморка и кашля. И вот, пожалуйста,

за окном день как божий дар, а в душе толкаются тучи. На улице солнце, а погода в доме ненастная.

Ночью Аля спала плохо, вернее совсем не спала, а маялась на широкой и роскошной супружеской кровати. Потом измученный организм добрал своё. После общения с Ларой она прилегла и вдруг задремала, на короткое время провалилась в четвёртое измерение, где нет ни горя, ни счастья, ни забот, а лишь успокоительная невесомость и бескрайность. Она провела в этом потустороннем мире час-полтора без всяких видений. Очнувшись, Аля приоткрыла окно, чтобы впустить свежий воздух, и увидела соседей по дому, хлопочущих возле своих автомобилей. Большой двор пустел на глазах. Люди семьями разъезжались кто куда, всем не сиделось в пыльных коробках квартир. Москвичи спешно покидали город или устремлялись в ближайшие парки, прихватывая детей, собак и даже кошек. Горожане рвались в ласковые объятия погожего дня, им хотелось слиться с природой и запечатлеть счастливые мгновения на фотоснимках.

И только Аля никуда не спешила. Виктора не было – и ничего не радовало. Альбина впервые в жизни желала, чтобы небо заволокло свинцовыми тучами, и раскаты грома разорвали благостную тишину в клочья.

Ворожить, вызывать бури Аля не умела, и картина за окном оставалась прелестно безмятежной. Аля умела любить мужа, сына и редактировать тексты для печати. Этих навыков оказалось мало, чтобы справиться с одиночеством. Житейский сюжет не отредактируешь, если фабула не известна. От неприкаянности сердце тоненько ныло. Конечно, разговор с Ларой немного уравнивал её. Самые жгучие эмоции выкипели и испарились, но недоумение осталось.

Что делает современный человек в минуты тяжких сомнений? Обращается к виртуальному оракулу. Иногда выловить ответы на вопросы можно в Интернете – прогуглить, так сказать, проблему. Аля загрузила ноутбук и пробежалась пальцами по клавиатуре. В строке запросов появилась фраза *«Муж ушел из дома»*. Поисковая система напряглась и вскоре выдала пугающее множество ссылок на сайты, где этот незамысловатый сюжет тщательно обсуждался: женские форумы, блоги, страницы психологов, сексологов, юристов, экстрасенсов и даже подборки анекдотов. Не одна Альбина Калиновская страдала в сверкающий майский день! Тема оказалась замусолена, до горечи просолена слезами, но зловеще злободневна. Мужья уходили и уходили! От молодых и пожилых, от неимущих и состоятельных, от фотомоделей и дурнушек. Сбегали от знаменитостей и от рядовых гражданок. Даже Президенты стран расторгали браки! Отношения трещали, по миру гремели скандалы, и страсти потоком изливались в Интернет. Водоворот конфликтов бурлил, и пользователи сами бросали друг другу спасительные круги.

Люди обменивались выстраданным опытом и советами. Кого-то устраивало тривиальное объяснение *«мужики козлы»*, это надо принять как данность и быть всегда начеку. Кто-то копал глубже, до многозначительных выводов, что *«с бухты-барахты не уходят»*, на всё есть причины, их следует найти и искоренить как сорняк, и будет вам счастье. Бывалые в семейных переделках рекомендовали не вмешивать родителей, а неисправимые оптимистки и вовсе утверждали, что с уходом супруга лучше не падать духом и насладиться внезапной свободой. А сердечный друг никуда не денется, придет как миленький! А если не вернется, так и ему же хуже. И значит, здравствуй, жизнь новая, неизведанная! Вот она, я, современная женщина, стою, мужем обиженная, в полной готовности к новым приключениям! А беглецу всегда труднее. У него тяжелый камень на душе и болезненная ломка бытовых привычек.

«А кто сказал, что я должна страдать?», – подумалось Альбине. – Может, действительно пойти куда-нибудь? Но куда? Куда, к кому, зачем – вот вопрос! Кому я интересна такая, на взводе?»

Вдруг ей вспомнилось, что рядом, в шаговой доступности от дома, открылось новое кафе итальянской кухни «Венеция». Казалось бы, какая-токая Венеция в спальном районе Марьино, но вблизи заведения, на Перервинском бульваре, длинной змейкой вился искусственный водоём, украшенный небольшими арочными мостками и окруженный стриженными кусточками. На бережках недавно разбили клумбы и высадили трогательные анютины глазки, и даже тонконогое черёмуховое деревце зацвело над водой, так что хоть и не Италия, и гондольеров нет, но тоже вполне себе живописно и умирительно. Видимо, именно так рассудили хозяева заведения, выбирая название для своего заведения.

Аля сбросила халат, как лягушачью шкурку, наскоро приняла душ, потом взбила волосы, подвела брови. В зеркале отразилось лицо моложавой женщины. Густая копна волос, хорошая, ловкая фигура, на которой всякая одежда ладно сидит. Что ещё? Пожалуй, выразительные глаза. В ней на четверть татарской крови, и потому её большие славянские глаза с миндалевидным разрезом. Отметины времени, тонкие, элегантные морщинки, ещё не портили внешность, а даже прибавляли зрелого шарма. Заметно, что не юна, но хороша собой и не глупа. Впрочем, можно разглядывать себя сколько угодно, отыскивать преимущества, копаться в душе и подсознании, но всё будет, как будет. Мужчины любят всяких, не обязательно достойных. Любовь – чувство иррациональное. Никто не знает безукоризненной формулы вечного счастья.

Глава 2

«Венецианские» страсти

В семье Калиновских предпочитали домашнюю кухню и неторопливые разговоры за столом. Альбина была из тех ловких хозяек, у которых всегда припасены заготовки, из которых в будни можно быстро соорудить вкусный ужин. По выходным дням Альбина старалась поддерживать традицию семейных обедов, да и к повседневным завтракам всегда относилась с полной серьёзностью. Так она была воспитана, так ей казалось правильным. Родители Альбины не отличались оригинальностью в домоводстве. Она была девочкой из приличной семьи. Это вечный сюжет, это почти хронический диагноз, и что ни сотвори, всё равно хорошистой и останешься.

Классика семейного быта сыграла с Алей злую шутку – она не привыкла есть одна. Спать одной, завтракать одной – это ей было не по душе. Потому она надумала выйти на люди – отправилась в кафе «Венеция».

Аля двигалась быстрым решительным шагом, как на ответственное задание. Она действительно захотела сытно поесть. В ожидании вестей от мужа кусок в горло не шёл. Утром сжевала скользкий банан – вот и весь завтрак. Теперь Альбина немного овладела своим рассудком и настроением, и вожаденно представляла разные вкусности, которые закажет в кафе. И обязательно вино, хорошее розовое вино, если оно у них имеется, конечно...

...Самое чудесное розовое вино они пили с Виктором в итальянской Венеции, в небольшом кафе неподалёку от площади Сан-Марко. Кажется, заведение называлось «*Apolonia*». Впрочем, суть не в названии, а в местонахождении и расценках! Эта самая «*Apolonia*» располагалась за базиликой Святого Марка, как бы на задворках главной венецианской площади. Цены там были вполне приемлемы.

Они прибыли в Венецию утром, устроились в отеле, и потом целый день кружили по лабиринтам улиц, удивляясь, очаровываясь, влюбляясь. Уставшие и озябшие, потому что стоял декабрь, предновогодье, они вошли в кафе и просто рухнули в удобные полукресла. Им быстро приготовили безумно вкусную пасту «болонезе» и предложили отведать розового вина, которое оказалось божественным. Тёртый пармезан стоял на столах, как специя к блюдам. Они густо посыпали горячие спагетти крошечными хлопьями сыра, он плавился, как первый снег, и души их плавилась от невыразимого счастья.

Это была их первая поездка после рождения Вовки. Сыну исполнилось три года, и Аля могла уже оставить ребёнка на попечение бабушек и Лары. Молодая мать отходила от забот с новорожденным младенцем, сама возрождалась, радовалась, что опять обретала стройность и миловидность. Беременность с осложнениями, роды, кормления, метаморфозы с грудью, кровь и молоко, источаемые женским организмом, бессонные ночи, детские болезни – настоящее испытание для семьи. Счастливое бремя, трудное время. Материнство отнимало силы и лишало воздушности. Виктор всё понимал, старательно помогал, и в Венецию они поехали среди зимы, чтобы перевести дух. В последние месяцы Аля даже похорошела, и постоянно ощущала сильное мужское влечение Виктора. Неожиданно для обоих отношения наполнились новым содержанием, они вместе открывали житейские истины прочного супружества. Они проходили первый родительский экзамен, гордились и любовались собой.

Всё было восхитительно, но не хватало денег. Быт оставался неустроенным или вернее – недостроенным. Виктор и Альбина Калиновские тогда снимали однокомнатную квартиру. В Москве это всегда недёшево, средств вечно не доставало. Они и на поездку едва наскребли, и не могли себе позволить дорогих ресторанов в Венеции. Спагетти в простом кафе с бока-

лом вина. Никаких десертов и фруктов. Потому и тёртый сыр радовал, будто манна небесная. Этот продукт стоял на столе, как в России соль с перцем. Сыпь, сколько хочешь. Какими же пустяками они тогда упивались и восхищались!

Помнится, официант выглядел как античный римский сенатор. Красавец-мужчина подавал большие блюда так, словно вручал гостям почётные награды или верительные грамоты. Вокруг сидели итальянцы, парами и компаниями, и все они были красивы и говорливы. Итальянская речь мелодично журчала, создавалась чарующая атмосфера аутентичности. Погружение в изящную европейскую действительность напоминало очистительное омовение в целебных водах – становилось легко и радостно.

А впереди предстояла таинственная венецианская ночь. Они в сумраке брели к себе в отель и заблудились. Потом их довели добрые полицейские и пожелали приятного сна.

Заснули они не сразу. Накупались вместе в ванной-джакузи и опрометчиво наплескали на пол воды. Спohватившись, затирали лужи полотенцами, прямо так, голышом – босые, усталые, блаженные. Как в раю.

В номере оказался электрочайник и чайное ассорти в одноразовых пакетиках, а на столике – корзиночка со сладостями. Они наладились от души, а потом озадачились тем, что придется платить за этот поздний ужин. Однако при выезде с них ничего не взяли за еду в номере – это был приветственный презент от хозяев гостиницы. Такой пустяк – чай с пастилой и горсткой засахаренных фруктов! Тогда это виделось щедрым подарком судьбы. Всё тешило и вызывало ликование! И влажный запах мёрзлых морских водорослей, витающий над венецианскими каналами, казался воздухом свободы и ароматом любви.

Это было, было в Венеции, и было именно с Виктором!

Пролетели годы. Вырос сын, и доходы увеличились, и быт постепенно наладился. Аля уже не смотрит на ценники, выбирая продукты, она просто берёт, что ей требуется. Это весьма приятное чувство – отсутствие необходимости напряженно прикидывать допустимые расходы. Можно покупать то, что нравится, уверенно заходить в бутики, приглашать друзей в приличные рестораны. Но счастье ли всё это?

Почему трудные годы кажутся самыми счастливыми? Потому что молодость придавала силы? Или согревала любовь, заполняя и скрашивая собой пространство жизни, в котором было немало прорех? Что изменилось в них самих? Может, Альбина что-то упустила из виду в расслабленном течении последних благополучных лет? Может, радости материальные вытеснили духовные, выхолостили души? Как же трудно понять себя и своего самого близкого человека!

Войдя в марьянское кафе «Венеция», Альбина сразу увидела знакомого паренька, соседа по подъезду.

– Привет! Ты здесь работаешь? – удивилась она.

– Ну, да устроился недавно, – чуть смущенно ответил он.

– А я решила заглянуть и пообедать. Давай-ка, размести меня поудобнее, и посоветуй, что выбрать!

– Какой вы хотите столик – у окна, в уединенном уютном уголке?

– Никакого уединения! – азартно возразила Аля. – Я вышла из дому в люди, так и буду смотреть на людей! Посади-ка меня так, чтобы я видела зал.

– Понял! У нас сегодня небольшой банкет в общем зале, но там есть свободные столики, и они не возражали, если будут заходить и другие посетители. Так что посмотрите, как наши гости гуляют.

– Отлично! И даже любопытно! – ещё больше оживилась Аля. – И давно гуляют?

– Да уже часа два, третий.

– Что празднуют?

– Серебряную свадьбу. Солидная компания собралась.

– Вот и хорошо! – одобрила Аля. – С удовольствием посмотрю на чету, прожившую вместе 25 лет! Лучше зрелища не придумаешь, то, что нужно!

Аля заметила, молодой парень не понял её оживления по поводу чужого банкета, но вежливо промолчал и лишь удивленно взглянул на соседку по подъезду.

– Ты не удивляйся! Ведь число разводов растёт, а если супруги столько прожили, то их по телевизору показывать надо в назидание молодежи! И государственные награды вручать! – шутливо пояснила Аля. – Я бы так и делала на месте Правительства: прожили 25 лет, и получите за это ордена!

– Я ещё не женат, мне судить трудно, – улыбнулся официант. – Вот сюда присаживайтесь.

Аля уютно разместилась, заказала сытную лазанью, салат, и ко всему этому ей подали вполне достойное розовое вино. Аля неторопливо обедала и наблюдала за развитием банкета. Она утоляла разыгравшийся аппетит и женское любопытство. Хлеб и вино. Пища и зрелище. Древние, исконные потребности. И сколько бы люди не нагружали себя знаниями и манерами, суть неизменна. Только чем образованней человек, тем утонченней удовольствия ему требуются.

Гостей за длинным столом было человек двадцать. Ощущалось, что все давно и хорошо знакомы – видимо, родственники и друзья семьи. Люди общались живо и раскрепощенно. Торжественное застолье уже достигло чудесного момента легкости, доверительности и теплоты, ради которого, собственно, и собираются любые компании. Звучала музыка, и атмосфера праздника витала в зале. Гости произносили здравицы, лица лоснились от удовольствия, и только виновники торжества оставались серьёзными и слегка напряжёнными.

«Волнуются! – предположила Аля. – Непросто сидеть во главе стола, у всех на виду, словно на смотринах. И всё же молодцы, прошли рука об руку четверть века!»

До неё доносились хвалебные речи тостующих, и Аля уже понемногу уяснила себе, как складывался жизненный путь супругов. Типичная крепкая российская семья. На таких всё держится.

Альбина уже, было, начала по-женски умиляться и немного сентиментально расчувствовалась, но вдруг подметила нервное перешептывание супругов-юбиларов. Гости не проявляли никакого беспокойства. Они продолжали закусывать и выпивать, увлечённо беседуя, но Аля-то прекрасно видела со стороны, как ход застолья претерпевал излом. Что-то уже необратимо изменилось, назрело и вот-вот грозило прорваться наружу, сделаться явным и постыдным. Альбина, посторонняя на этом празднике, внезапно ощутила нарастающую волну нервозности. Она даже сделала несколько торопливых глотков вина, чтобы унять неприятную тревожность.

Альбина не ошиблась, вскоре прорвалось. На виду у всех жена влепила мужу звонкую пощёчину! Женщина порывисто и неуклюже привстала и оскорбила супруга веской оплеухой. Мужчина тоже поднялся и несколько секунд свирепо бычился на обидчицу, словно не веря, что эта раскрасневшаяся дама и есть его вторая половина, с которой он прожил 25 лет.

Кто-то выключил музыку, образовалась неловкая тишина. В дверях зала появились охранники. Все замерли, включая работников кафе. У гостей округлились глаза, они смотрели в одну сторону – на супругов-юбиларов.

Немая сцена длилась недолго.

– Как же ты меня достал! – воскликнула женщина. – Ты же козёл! Ты всегда им был! Господи, какая же я дура! Как же я этого не понимала! Сколько же крови ты у меня выпил за эти годы! И я рада, что осмелилась сказать тебе это. Ты упрямый и противный, себялюбивый козёл, под которого я подстраивалась все эти 25 лет! Но теперь всё кончено! Этого больше не будет, так и знай!

Она села и почти беззвучно заплакала, закрыв лицо ладонями. Её муж раздражённо замахнул рюмку водки и стремительно вышел из зала. Группка мужчин торопливо последовала за ним. Почти все дамы тут же сгрудились возле жены. Женская стайка напоминала крупных ярких птиц, напрасно бьющих крылами. Каждая на свой лад пыталась утешать хозяйку торжества. Нетрезвые немолодые дамы наперебой встревожено щебетали, и все вместе выглядели усталыми, помятыми, поникшими, разочарованными и даже виноватыми.

Официанты, обслуживающие банкет, засуетились, забегали вдоль стола, убирая объедки, мусор и грязную посуду. Никто из них не решался задавать виновнице торжества вопросы. Охранники не вмешивались, но и не удалялись.

К Але тоже подошёл её знакомый официант и спросил:

– Вам десерт подавать? Вы ведь тирамису хотели?

– Десерт? – Аля дружески улыбнулась старательному пареньку и полушёпотом добавила: Подавай, чего уж там! Гулять, так гулять, прощай фигура! Тащи мне пирожное, горячий кофе и ещё бокал вина. Досмотрю этот спектакль до конца. Надеюсь, что драки не будет.

Драка не возникла. Муж со спутниками вернулся к столу. Лицо его было багровым, вспухшим, злым, но он не произнёс ни слова. Теперь удалилась его жена – видимо, пошла умываться и подкрашиваться. Пара женщин поспешили за ней – наверно, самые близкие приятельницы. Или самые любопытные тётки.

К хозяину обратилась официантка, и что-то шепнула ему, почтительно склонившись. Он коротко отдал ей какие-то распоряжения и глухо произнёс, обращаясь к гостям:

– Сейчас горячее подадут. Так что прошу откусать, кто желает. Присаживайтесь.

Официанты словно обрадовались такому повороту событий и резво принялись за сервировку стола. Мужчины расселись по местам, молча разлили напитки – себе и дамам. Тем временем вернулась освежившаяся супруга, но к мужу она уже не подседала. Женщина расположилась напротив, на другом конце стола. Притихшие гости приступили к трапезе. Тостов уже не произносили, разговаривали мало и негромко. Аля тоже сидела тихо, почти затаив дыхание, но исподволь всматривалась с осторожной внимательностью, чтобы забрать с собой все впечатления.

Свадебный юбилей мгновенно превратился в поминальный обед. Семья будто прекратила существование. Она распалась и умерла на виду у всей честной компании. Пышное застолье опошлилось, сдулось, потеряло смысл. Глаза гостей потухли и помертвели, лица посуровели. Все сосредоточенно жевали и о чём-то думали: возможно, о собственных семейных делах и невесёлых обстоятельствах. Ведь у каждого в домашних шкафах пылились свои скелеты.

Альбина тоже задумалась – и о себе, и об этой незнакомой женщине. Аля сочувствовала, но публичную истерику одобрить не могла. Скандал не решает проблем. Скандал – завязка трагедии. После него назад не отыграешь. Раз устроила форс-мажор – ищи выход из положения. Этой немолодой уже даме предстояло что-то предпринять, как-то продолжить и устроить свою жизнь в дальнейшем. Как она поступит? Возможны варианты. Вернётся домой, помирится с мужем, потом они вместе обзвонят всех родных, друзей, чтобы извиниться за непристойный инцидент в кафе? И супружеская жизнь потечёт своим чередом, по направлению к очередному юбилею... Они оба смирятся с обстоятельствами, найдут приемлемый компромисс, но никогда, уже никогда не будут любящей парой в серебряном ореоле.

Или эта женщина отчаянно затеет процесс развода? Сразу после юбилея свадьбы? Выстрадала она решение или поддалась минутной вспышке гнева? Ведь самое главное в жизни – понять, что нужно делать. И вообще, и в частности.

Альбина возвращалась, неся свои впечатления и обдумывая увиденное. Длинные, нестройные мысли вихрились и образовывали плотный, непроницаемый кокон, Альбина ничего не замечала вокруг. Она очень удивилась, когда на крыльце путь в подъезд ей преградила соседка с четвертого этажа. Женщина встала словно скала, перекрыв собою вход. «Ничего себе манеры! – подумала Аля. – Неужели ей так хочется со мной поздороваться?»

– Здрасьте! – первой сказала Альбина, надеясь, что этого будет достаточно.

– Здрасьте! – небрежно откликнулась соседка и не сдвинулась с места. Ей явно было мало скупого приветствия. – Подпишите письмо от общественности!

– Какое, о чём, к кому взываем? – шутливо поинтересовалась Аля.

Альбина не любила всевозможные акции общественного правдоискательства, потому что не верила в их эффективность.

– Письмо насчет консьержей, – скупое пояснила соседка. – Требуем снижения оплаты их услуг. Мы им много платим, в других ТСЖ меньше берут.

– Вы не довольны их работой? – искренне удивилась Аля. Её-то как раз таки всё устраивало.

– Не в этом дело. Пусть работают. Но платить им можно меньше, – сухо возразила упрямая женщина.

– А вы не опасаетесь, что тогда добросовестные консьержи откажутся работать и просто исчезнут из нашего подъезда? – предположила Аля.

– Других людей найдем! Подписывать будете? – соседка ставила вопрос ребром. – Почти все подписали.

Активная общественница ощущала свою правоту и поддержку большинства жильцов, а на Алю смотрела тяжёлым взглядом, словно на врага справедливых и необходимых реформ. Женщина предвкушала скорую и окончательную победу над вялым меньшинством в лице Али. Глаза её нетрезво блестели – похоже, немного выпила за обедом для вдохновения. Альбина сама была не совсем трезва, и потому прекратила пустой обмен мнениями. Спор двух подвыпивших соседок – этого ей только не хватало!

Подписывать документ тоже не хотелось. Але было легче и спокойнее платить дороже, но лишь бы видеть порядок в подъезде. Ей нравились равнодушные, вежливые консьержи, она к ним привыкла и не хотела перемен. Однако Аля уступила напору активистки. Она постоянно ощущала вину перед этой женщиной – тому были свои давние причины.

– Давайте, подпишу, – нехотя сказала Альбина и быстро поставила закорючку против номера своей квартиры.

– Это другое дело! – одобрила соседка и криво улыбнулась.

Эта крупная, высокая женщина носила нежное, благозвучное имя Елена, и оно ей совсем не шло. Гораздо органичнее звучало бы основательное старомодное имя Домна или значительное Капитолина, потому что Елена с четвертого этажа напоминала кариатиду, подпирающую потолок. Аля это всегда так образно представляла: Калиновские жили прямо над Еленой, над её семейством. Семья Елены состояла из трёх человек – она и два сына. Дама пребывала в разводе, и поселилась в этом доме как раз после расторжения брака, да ещё с маленьким, почти грудным сынишкой.

Заполучив подпись Альбины, соседка пошла по двору в сторону детской площадки. Там мамочки выгуливали отпрысков, и вместе со всеми в песке копошился младший ребёнок Елены. Сынишка возводил хрупкие замки и прокладывал вокруг них дороги, а мать могла беззаботно покурить с товарками. Посидеть на лавочке, посплетничать. К примеру, рассказать о ней, об Альбине. Мол, выкаблучивается моя верхняя соседка, богатую из себя строит, крутую даму! Ей, видишь ли, всё равно, сколько платить консьержам!

Аля посмотрела вслед Елене, обвела взглядом широкую спину соседки, и её прошила мысль: «Она же разведенка! Прошло несколько лет, а надрыв всё ощущается! Она и эти дурацкие акции затевает, чтобы чем-то занять себя, чтобы побеждать хоть где-нибудь. Ей тошно. Она скучающая и злая разведенка. Вот они, какие бывают, разведенцы! Как наша соседка Елена с четвертого этажа».

Глава 3

Разведенка Елена

Две женщины жили в одном огромном московском доме на разных этажах, имели абсолютно одинаковые квартиры, но разные, непохожие судьбы. Они редко общались, но находились в тесных и драматичных отношениях. Они и познакомились малоприятным образом.

Виктор Калиновский перевёз свою жену Алю с маленьким сынишкой Вовкой в новую квартиру после ремонта и некоторого благоустройства. Стиральная машина у них уже имела, и Аля на следующий же день затеяла большую стирку. Сливной шланг ещё не был встроен в трубу, его нужно было предварительно закрепить на ванной, но Аля этого не сделала. Виктор ушел на работу и не успел предупредить жену, а она сама и не задумалась об этом. Закрутилась и попросту запамятовала. Альбина была так рада переселению со съемной квартирки в свою, двухкомнатную, светлую и свежую, что просто летала и напевала, без усталости хлопоча по хозяйству. Запустив машину, она ушла на кухню готовить. Аля ощущала себя феей домашнего очага – у неё всё жарилось-парилось и стиралось. Дела спорились. Образцовая жена – как в рекламном ролике.

Очень быстро случилось то, что и должно было произойти: из сливного шланга хлынула пузырящаяся вода. Аля творила кулинарные шедевры на кухне, а соседка снизу вызвала на помощь консьержку. Именно отзывчивая консьержка позвонила в дверь Калиновских, и Аля открыла ей с блаженной улыбкой на лице.

– Вы затопили соседей внизу! – вежливо сказала пожилая женщина. – Что у вас происходит? Слив не работает? Или трубы протекают?

Душистый ручей из ванной уже изливался в прихожую, но Аля заметила его только благодаря консьержке.

– Тряпки давайте! И машину остановите! – скомандовала женщина, видя замешательство молодой хозяйки.

Они вместе принялись устранять катастрофу, быстро-быстро промокая воду и отжимая её в ведро. Ноги разъезжались, как на катке, потому что кафельный пол был обильно залит мыльной водой, но обе дамы самоотверженно трудились до конца. До последней капли.

– Простите меня, и спасибо вам! – сконфуженно воскликнула Альбина, когда уборка завершилась.

– Бывает, – миролюбиво ответила консьержка. – Будьте внимательнее и осторожнее.

– Пойду вниз к соседям, посмотреть, как там дела. Ну, и прощения просить! – сказала Аля.

Именно тогда она впервые вступила во владения Елены.

– Здравствуйте! Это я вас залила! – честно выпалила Аля. – Я ваша соседка с пятого этажа. Можно посмотрю, какой я вам ущерб нанесла? Кстати, меня Аля зовут. Альбина. А вас?

– А меня Лена, – глубоким, густым голосом ответила пострадавшая жиличка, пропуская Алю в квартиру. – Вот, смотрите! Любуйтесь!

К счастью, благодаря каким-то незаметным укосам и уклонам плоскостей, вода стекла довольно аккуратно, лишь в одном углу, оставляя темноватый след на оштукатуренной поверхности.

– Чем вам помочь, что сделать? – виновато спросила Аля. – Вы что тут планируете – стеновые панели или кафель?

– Ничего я пока не планирую! – сухо призналась соседка. – Ваша удача, что у меня евроремонтов нет. Ладно, ничего, переживем!

– Тогда прошу меня простить и обещаю, что впредь такое не повторится, – горячо заверила Аля.

По злой иронии судьбы своё торжественное обещание Альбина не сдержала. Вернее, не смогла сдержать, потому что однажды треснула какая-то соединительная деталь сливного шланга, потом как-то протёк унитаз. Аля вызывала слесаря, бегала вниз к Елене вместе с ним, в очередной раз извинялась за несовершенства сантехнических устройств в новой квартире.

Елена ничего не требовала, не ворчала и не возмущалась, но один её неодобрительный взор было нелегко вынести. Она смотрела так, словно вываливала на собеседника груды камней. Елена расплющивала тяжелым взглядом, и Аля вместе со слесарем суежилась в чужой ванной комнате, лепеча бесполезные оправдания. Ни дать, ни взять – лилипуты в услужении у Гулливера!

Елена стояла рядом и надзирала, как приводят в порядок её ванную комнату. По окончании работы она вдруг предложила им выпить на троих. Так и сказала, кивнув в сторону кухни:

– Может, выпьем по бокальчику martini?

Слесарь деловито буркнул, что у него ещё три срочных вызова, а потом оперативка. На потном его лице читалось *«какая с вами выпивка, девки, что вы в этом деле понимаете»*. Альбина тоже отказалась от угощения:

– У меня муж должен вот-вот вернуться, а я начала готовить ужин, да всё и бросила. Надо идти домой.

– Ну, да-да, ужин, муж, все дела! Я понимаю! – колко ответила Елена, криво улыбаясь. – Это у меня ни мужа, ни евроремонта. И день дрянной. Сплошное невезение.

Получалось, что у Али колосилось счастье, а у Елены дурным цветом распускался чертополох. Несправедливо. Альбина постаралась загладить свою оплошность невинной лестью:

– Что вы! Зато у вас такие чудесные сыновья! А неприятности да, случаются. Уж простите ещё раз. И поверьте, что это не самое страшное горе в жизни.

– Да развод у меня был в этот день! – пояснила соседка. – Вот вы с мужем годовщину свадьбы отмечаете?

– Ну, в общем, да, – чуть растерянно сказала Аля. – Небольшой семейный праздник.

– А я день развода отмечаю! Невеселая дата. Как день кончины, – выдала Елена. – Тоже вроде как семейное событие! Печальное торжество!

– Тогда давайте по бокалу martini, – устало согласилась Аля, не находя больше слов.

Позже Аля взволнованно докладывала мужу о чрезвычайном происшествии и о странном разговоре с соседкой.

– Эта Елена такая суровая и большая, я стояла перед ней, как нашкодившая школьница! – призналась она, испытывая облечение от возможности пожаловаться Виктору. Любая беда дробилась на мелкие ничтожные осколки, если Альбина делилась с мужем.

Калиновский смеялся, журил жену, а соседку назвал монументальной дамой.

– Она может легко позировать для статуй! Прямо мухинская колхозница! – веселился Виктор. – Только без рабочего, как я понимаю. Смотри, Алька, будь осторожна, а то она

зашибёт тебя ненароком в порыве ярости. Разведенки – они бабы злые, ох, злые, на весь свет обиженные! И не пей с ней, она тебе не компания.

Она была по-своему красива, эта Елена с четвертого этажа: крупная, светловолосая, круглолицая, широкая везде, но статная. В ней была простая русскость, несколько облагороженная современным одеянием, и с неё действительно можно было картины писать и скульптуры лепить. Колхозница скульптора Мухиной тоже великанша, но она, эта монументальная дива, всегда стояла на постаменте при рабочем, рука об руку с крепким, надёжным мужиком. В паре оба персонажа смотрятся единым целым, монолитно и убедительно. Однако это только памятник, идеализация людских образов. На самом деле, в реальной жизни, не каждой «колхознице» так везёт, не всякой дородной тётке сыщется подходящий партнёр, похожий на покладистого гиганта «рабочего».

Обе женщины, Альбина и Елена, поселились в новом доме почти одновременно. Алё привело сюда счастье, а нижнюю соседку вышвырнуло житейским ураганом из иного, более насыщенного бытия. Забросило её, бедолагу, на четвертый этаж, буквально Калиновским под ноги. Аля и её мужчины ходили у Елены над головой, и отзвуки их радостной жизни проникали вниз, иногда вместе с пенящейся водой, словно семейному благополучию было тесно в стенах одной квартиры. Оно пузырилось, как игристое вино.

По неотчетливым звукам, по общему шумовому фону, действительно можно определить семейный климат. Мирная тишина, иногда негромкая музыка, дружный смех, ровное воркование, шаги в коридоре – вместе пришли, вместе ушли... Ни ругани, ни истерик, ни звона бьющейся посуды. Шуршат, распаковывая мебель и бытовую технику. Сверлят стены, что-то развешивают, обустраивают свой быт. Всё хорошо, и иметь таких соседей всегда приятно. Так жили Калиновские, а климат в семье Елены был неустойчивым, погода в её доме резко менялась с затишья на бури. Снизу вверх, на пятый этаж с четвертого, нередко доносились раздраженные женские возгласы. Порой соседка нервно кричала на мальчиков, да ещё и приправляла речь крепкими непечатными выражениями. Але казалось, словно внизу воет раненая львица или медведица. Аля искренне удивлялась, как можно бросаться матерными словами в собственной семье, в общении с родными детьми, а Виктор напоминал ей, что их дело – сторона. Аля печалилась. Безучастность взрослых – преступление против чужих детей. Так ей казалось, но чем помочь, она так и не решила за все годы вынужденного соседства.

Знала ли Елена, что соседям всё слышно? Или ей становилось так невыносимо, что тоска и злоба рвались наружу, перевешивая все правила приличия?

От этой Елены было почти невозможно дистанцироваться. Она присутствовала в жизни Калиновских, не имея с ними ни родства, ни дружбы. И Калиновские невольно составляли себе картину бытия Елены, тем более что женщина не пыталась что-то скрывать.

Елена не работала – видимо, бывший муж не отказывал в хорошем содержании. Сама женщина выглядела ухоженной, да и мальчики её были всегда добротнo одеты. Старший сын внешнестью удался в мать – крупный, рослый, большеголовый, белобрысый, но спокойный и рано повзрослевший. Мальчик проявлял вежливость, здоровался с соседями и вполголоса разговаривал с матерью. А младший парнишка рос плаксивым, выглядел запуганным, не обласканным, даже лишним. Видно, Елена родила его в недобрую пору, забеременела в отчаянии, в надежде спасти брак. Но возможно, нежданный ребёнок внёс ещё большую сумятицу в отношения, и развод всё равно состоялся. Если старшему брату повезло, его трепетное младенчество развивалось в полной семье, то судьба младшего сложилась суровее. Мальчишка жил без отца. Теплота и расположение Елены к старшему сыну были заметны

даже посторонним, а несмышленный малыш постоянно раздражал мать, и ему чаще доставалось от неё. Видимо, старший сын был для Елены частью утраченного мирка, свидетелем лучших лет, а младший сделался живым символом крушения семьи, распада, катастрофы. Второй ребёнок не умилял собственную мать. Ещё до рождения взрослые ввалили на него трудную миссию сохранения семьи, но мальчик задачу не исполнил, родственные узы не укрепил. Малыш только связал матери руки и стал обузой.

Альбина никогда не видела детей с родным отцом, и даже не представляла бывшего мужа соседки. Возможно, он встречался с сыновьями на другой территории, увозил мальчиков к себе, но в их доме не появлялся. Зато в квартире Елены бывали другие мужчины. Приятели к ней заходили, и Аля их видела.

Как-то осенним вечером вслед за Алей в лифт вошла Елена со спутником. Мужчина был щуплый и чернявый. Лицо кавказской национальности. Елена глупо и непривычно улыбалась ему, а он оставался серьёзным и деловито поджимал губы, словно шёл на важное совещание. В руках удалой уроженец гор держал большие, пухлые пакеты – видимо, гостинцы. Такие гости случались у Елены, и даже оставались ночевать, несмотря на присутствие сыновей. Отчаявшаяся разведенка – легкая добыча для мужчин.

Однажды Аля увидела, как Елена садится в новенькую компактную иномарку последней модели. Кто-то сделал ей такой щедрый подарок – бывший муж или один из кавалеров – осталось неизвестным для соседей. Модная машина, модная одежда. Елена жила как многие – неплохо, сносно, не хуже других, но ходила с выражением недовольства на лице. Женщина будто перемогалась в ссылке – в ожидании лучших времен.

Аля невольно задавалась вопросом, по какой причине муж расстался с Еленой, отторг её вместе с детьми, устранил из своей жизни? У неё трудный характер и тяжелый взгляд. В Елене всего было много, с избытком: тела, губ, волос, голоса, активности. Утомила, пресытила, перегрузила супруга собой? Он сбросил её вместе с детьми с общей повозки, а сам устремился в другую жизнь. Налегке. Можно подумать, все остальные женщины, пребывающие в долгих, нерушимых союзах, обязательно добрые феи и прелестные нимфы! Обычные тётки с персональными комплектами недостатков, но почему-то облагодетельствованные судьбой. И ничего, живут.

Как знать, возможно, переезд Елены в этот многоэтажный дом принизил её социальный статус! Для Калиновских покупка такой квартиры была удачей, решением жилищного вопроса, обретением гнезда, а для соседки чем-то иным. Аля не ведала, где раньше обитала Елена, но видела, что та тоскует по прежней жизни. Возможно, она жила в особняке, в элитном коттеджном поселке, хотя по манерам не скажешь. Впрочем, кто у нас теперь состоит в элите общества? Вот-вот... То-то и оно.

Однако не судите, да не судимы будете. Альбина и не судила, но подмечала. Чем старше становилась, тем приметливей. И всегда считала, что она и Елена – люди из разного теста. И судьбы разные. Она – *такая*, а мы, Калиновские – *иные*. Так думать было легко и приятно.

С первых дней заселения по новому адресу Елена во всём искала подвох. Она придиралась к работникам, обслуживающим дом, и вечно выговаривала консьержам. Старательные консьержи часто оказывали ей помощь, проявляли заботу, но она и не думала платить им за добрые деяния той же золотой монетой. Елена добивалась снижения их зарплаты с таким рвением, словно это могло осчастливить всех членов товарищества собственников жилья на долгие-долгие годы вперёд. А ведь всё имеет свою цену, покой и порядок тоже чего-то стоят.

Елена была злая? Пожалуй! Первым это подметил Виктор. Он вообще всех разведенков назвал злыми. Почему? Откуда ему, Алиному мужу, это так хорошо известно? Может, потому, что он, Виктор, имел свой личный жизненный опыт, не сопоставимый с тем, что ведала Альбина? Что с ним происходило в те годы, когда она была Альбина Шевелёва, и их не связывала общая фамилия? Ведь как-то же жил Витя Калиновский до встречи с Алей Шевелёвой! И вообще, отношения внутри семьи – это не вся жизнь человека. Любой человек живёт чем-то ещё, помимо семейных забот, да вот только домочадцы об этом редко задумываются.

Бросив Альбину одну, Виктор будто швырнул жену вниз, на другой уровень, ближе к нижней соседке, уравнивал с этой грубой, несчастливой женщиной. Разговор с Еленой притянул холодную тоску. Она неумолимо вползала внутрь, вытесняла хрупкое затишье, которое возникло после вкусного обеда и хорошего вина. Организм слабел, сдавался без боя. Лавину леденящих мыслей нужно было срочно остановить. Спасти мог только задушевный разговор с участливым человеком.

Глава 4

Правильная Лара

Каждому разумному жителю Земли необходим такой сопланетник, которому можно в случае чего спокойно доверить самое ценное – ключи от квартиры, домашних животных, детей и собственный сумбур в голове. Высокие доверительные отношения тянут за собой взаимные неурочные звонки и внезапные визиты в любое время суток. Без участия такого человека трудно существовать, и связь с ним посильнее полового влечения – эти узы не зависят от внешней свежести и сексуальной ориентации.

Так сложилось, что свои сокровенные мысли Альбина частенько раскрывала Ларе, сестре мужа. Лара умела внимательно, вдумчиво слушать и деликатно подбрасывать толковые идеи для распутывания житейских проблем. Две женщины развеивали страхи и изобретали полезные мыслеформы. Беседы с Ларой помогали выбираться из леса сомнений на верную тропу.

Золовка Лариса вообще сыграла важную роль в судьбе Альбины! Их истинная связь с Виктором началась в квартире Лары, и даже в её постели! Альбине тогда было 23 года, а Виктору 29 лет. Он познакомился с Алей самым банальным образом, в парке Культуры, во время большого концерта на летней площадке. Виктор дал ей номер телефона и сказал, что пусть она сама позвонит ему первой, если вообще захочет вновь увидеть случайного знакомого, а он не будет напрасно навязываться девушке против её воли.

И девушка позвонила спустя пару дней. Она бы и раньше это сделала, Виктор сразу ей понравился. Альбина выждала некоторое время для приличия. Он тут же назначил ей свидание. Они встретились и несколько часов бродили по городу, просто разговаривали и оба уже ощущали, что им хорошо и легко вместе.

На втором свидании он сказал, что приглашает Алю в гости. Она пошла, простодушно доверилась ему, не спрашивала, куда он её поведёт, и будет ли там кто-то ещё кроме них двоих. А Виктор привёл Альбину в симпатичную квартиру своей старшей сестры Ларисы. Сестра с мужем и сыном уехали в отпуск и оставили ему ключи. Сам он в тот период временно проживал у матери, а квартирой Лары по-родственному пользовался, ему это всегда позволялось.

Они тогда посмотрели какой-то модный фильм на видеокассете, потом Виктор попытался ласково увлечь её в свой, уже не киношный мир отношений мужчины и женщины. Кавалер флиртованно намекнул, что надо бы развить и закрепить знакомство. Он думал, что она современная весёлая деваха, которой ничего не нужно длинно и нудно объяснять. Она и была современная и весёлая, но не без принципов. Он с удивлением споткнулся об эти её принципы и присмотрелся внимательней.

С этого, с этого всё и началось! В Лариной спальне. Они сидели на краешке широкой кровати типа «сексодром», видимо, тщательно подготовленной Виктором заранее. Альбина тогда ловко и кокетливо выскользнула из его смелых объятий и с улыбкой заявила, что ей пора домой. Виктор лукаво ухмыльнулся, но проявил себя рыцарем и доставил её в целости и сохранности по указанному адресу.

Ей понравилось, как он держался – спокойно и естественно, с уверенностью мужчины, которой умеет ждать и брать своё. Она с ним чувствовала себя и желанной, и защищенной одновременно. Что ещё нужно женщине? Это и есть самое важное.

И с того дня завершился роман – красивый и возвышающий над обыденностью. Виктор сразу дал понять, что это не интрижка, а постепенное соединение двух половинок в единое

целое. В общем-то, всё развивалось как у многих, типичная история, сюжет, известный со времен Адама и Евы, с той лишь только особенностью, что Виктор состоял в разводе, то есть новоявленная Ева, жена в полном смысле, у него была не первая, а под номером два. Впрочем, они никогда не обсуждали свой прошлый интимный опыт и бывших возлюбленных, и никому малодушно не перемывали косточек. Виктор сразу заявил ей: «Есть ты и я. Больше никого никогда не было». Эта простая формула Алё вполне устраивала. Ей он тоже не задавал глупых вопросов, не пытался ревниво сравниваться с кем-то ещё, кого она знавала. Он стал ей мужем и самым лучшим другом. Виктор настолько заполнил собой пространство вокруг Альбины, что все её замыслы, желания и поступки всегда соотносились с его интересами и привычками. Она сама у себя оказалась на втором плане, но нисколько не тяготилась этим, потому что муж любил её и оберегал от невзгод. Она была за мужем. В смысле – за стеной.

Никто из родственников Виктора тоже не предпринимал попыток раскрыть Алё подробности его прошлой жизни. Девушку приняли в семью, а Лара так и вовсе стала ей добрым ангелом и подругой.

Лара. Она многое познала, но всегда придерживалась единственно верного пути. Она не была праведницей, но почти всегда ощущала, как будет правильней поступить. И отношения их не были безмятежно идеальными, Лара иногда утомляла, но была нужной, просто необходимой, и даже искренне любимой Альбиной.

Было у Ларочки своё времечко, когда она дала себе волю, распустила пояс, но Бог или Высший Разум, тот самый, кого люди называют Всевышним, основательно пугнул её, настав серьёзную болезнь. Она стойко и очень достойно справилась с испытанием, пролечилась и помудрела ещё больше. Обретённой житейской мудростью она осторожно делилась, чтобы не очень-то докучать и не выглядеть назойливой всезнайкой.

Алё не терпелось описать Ларе драму в кафе «Венеция», обсудить с ней вопиющие подробности и свои эмоции, а потом, как водится, плавно перейти к личному сюжету. Вдруг старшая сестрица уже беседовала с младшим братцем Витюшей, и у неё появились свежие сведения о вероломном беглеце? Рука так и тянулась к телефону, но Лара с мужем проводили субботу с друзьями, и Алё пришлось терпеливо ждать, когда золовка сама ей позвонит. Ведь Лара обязательно должна была выйти на связь, чтобы рассказать о первом опыте катания на частном катере по реке – Альбина не сомневалась в этом.

Разговор состоялся поздно вечером. Альбина слушала Лару и терпеливо ждала своей очереди.

– А что я теперь расскажу! – по-девчоночьи начала Альбина. – Я тут в ближайшем кафе обед себе устроила. И что видела – с ума сойти!

Она старательно и даже весьма артистично изложила банкетную историю, которую ей ненароком выдалось подглядеть. Лара слушала так, как умела только она. Краткие уточняющие вопросы Ларисы органично вплетались в канву рассказа, отчего образовывалось ещё больше сочности и выразительности. Персонажи делались объёмными, реальными, почти близкими и понятными.

– Ну, что же бывает, – философски резюмировала золовка в конце повествования. – А вообще, я бы сказала, что та тётка устроила показательные выступления. Ситуация типовая, да не каждый решится вынести сор из избы.

– Как ты думаешь – они разведутся? – спросила Аля.

– Кто их знает, – задумчиво сказала Лара. – Пятьдесят на пятьдесят. Ведь примерно половина браков распадается. Хватит ли запала у этой отчаянной дамочки? Это ведь не просто – развод затеять!

– Лар, ты чего-то не такая какая-то, – Але слышались в голосе Лары странные минорные нотки. – Устала? Укатали тебя?

– Ну, да есть немного, – призналась Лара. – А ещё.... Мне тут полчаса назад одна приятельница позвонила. Сообщила кое-что...

– Про Виктора?! – выпалила Альбина.

– Нет-нет, не про Витю, – быстро ответила Лара. – Ты, Алечка, ни о чём другом думать не можешь, а ведь кроме Вити в мире есть и иные люди.

– Ну, и что же тебе сказала твоя приятельница? – разочарованно спросила Аля. Ей, конечно же, было важнее всего выудить информацию о своём пропавшем муже.

– Помнишь Леонида Ускова? – спросила Лара с особенной чувственной интонацией.

– Помню. Как не помнить!

– У него внук родился, – сообщила Лара.

Леонид Усков. Так звали мужчину, с которым у Ларочки существовала особая связь, который сумел добиться благосклонности этой разумной, не авантюрной женщины, но, заполучив дар судьбы, он не смог им красиво распорядиться. Лара сама свернула невнятные отношения, законсервировала бесперспективную интригу и наложила печать «*Совершенно секретно. Хранить вечно*». Альбина знала некоторые подробности этой истории и свято оберегала Ларочкины женские тайны. Им обоим было ни к чему попусту волновать весь семейный клан. Ларочкин объект оказался слабоват, хотя и очень хорош собой. Ведь внешняя красота не исключает малодушия. Не тот мужик был этот Усков, ради которого сметают все преграды и идут по головам своих близких. Да и Судьба пригрозила Ларисе пальчиком – мол, не смей рыпаться! Время сгладило остроту событий, и издали всё уже виделось игрушечной бурей в стакане воды. Так, по крайней мере, думалось Але.

– Лара, а что тебя огорчило? – искренне изумилась Альбина. – Ну, внук. Это нормально. Это жизнь.

– Понимаешь, у него жизнь продолжается. Но без меня, – иронично усмехнулась Лара. – Всё у него хорошо! Семья, дети, и даже внуки уже пошли! Наверно гуляет с женой по магазинам и выбирает щедрые подарки. Как представляю, так вскипаю!

– Ларочка, подожди-подожди! – воскликнула Аля, опять удивившись огорчению Лары. – А разве ты хотела бы иметь с ним общих внуков? Или хотела бы, чтобы его жизнь без тебя развалилась на мелкие куски? Ведь ты не собиралась ломать свою семью ради этой вспышки страсти под названием Лёнчик!

– Нет, не собиралась. Ни одной минуты не собиралась. А вот как представляю, что они ходят с женой под ручку, такие счастливые бабка с дедкой, так чего-то тошно становится, – откровенно заявила Лара. – Глупо, знаю. Пройдет. Но пока тихо страдаю. Ревную его. Живёт без меня, не тужит, делает ремонт в квартире, обновляет мебель, ездит на курорты в Турцию. Любит он эту Турцию за ленивый пляжный отдых и полную беззаботность! Это в его характере – беспечность. Возможно, и там бабам глазки строит, интересничает, флиртует. Он моложавый, подвижный, ещё долго будет нравиться. А ведь когда-то говорил, что ему меня потерять, всё равно, что руку отрубить...

– Ой, господи ты, Боже мой! Как тривиально звучит! Он и однорукий скакал бы козликом! Он подвижный, ты это точно подметила. Да твой Дима лучше этого смазливового Ускова в тысячи раз! – возмутилась Альбина.

– Конечно лучше, потому я живу с Димой, а не с ним, – размеренно произнесла Лара. – Но ведь ты знаешь, случается такое совпадение с мужчиной, когда каждая клеточка звенит от счастья. Это какие-то краткие мгновения, но они настолько сильные, неповторимые, что всё остальное меркнет. Остальная жизнь ровно течёт, как тихая река, обтекает тебя, омывает, утешает. Но вдруг ворохнется что-то в подсознании, и является тебе видение – вы с ним на островке, вдвоём, и тебе не важно, достойный он или нет. Ты просто вдыхаешь его запах и чувствуешь прикосновения. И я так и не поняла, что по жизни грешно – отказаться от запретного плода или принять как дар, раз выпало.

– Всё остальное и есть главное! А этот твой Усков – просто лакомство. Бабье лакомство. Витамин М! – с жаром возразила Аля.

Ей стало обидно за покладистого Лариного мужа Диму, за всё, что Лариса назвала остальным. Там и она, Альбина, в тихой реке, качается в лодочке вместе с другими родственниками, боровшимися за Лару во время её болезни. А где был красавчик Усков, когда Лара в онкологической клинике парилась? В Турции глазки строил? Ну, да как раз начало июня было, открытие курортного сезона. Кто на пляже загорал, а кто в больнице валялся.

– Да знаю я, Алька! Всё я знаю и понимаю. Дай немного поглупить! Скучно быть всегда серьёзной. Имею право? – опять усмехнулась Лара.

– Имеешь, – согласилась Аля. – Скучаешь без него?

– Скучаю иногда. Но всё реже и реже. И вообще! Не побывав Зорбой – не станешь Буддой! – Лара тихо рассмеялась.

– Где вычитала? Дай списать! – такая ироничная шуточка была у них в ходу.

– У Ошо. Ты его не жалуешь, но кое-что занятное у него встречается. Вчитайся на досуге, – порекомендовала Лариса.

– А ты чего там так смело разговоришься-то? Димы разве нет дома? – Аля опять настойчиво напомнила Ларе о муже.

– Он в гараж пошел отнести кое-какое барахлишко. Скоро вернется. Эх, Алька! Ну, почему всё вместе в одном хорошем мужике не сочетается? – воскликнула Лара.

– Не знаю я, Ларочка. Для меня до сих пор всё в одном Витьке и сочеталось. Может, я одноклеточная, а ты – очень сложный организм. Может, я мало смыслю в любви, не вижу оттенков, не ощущаю нюансов и полутонов. Кстати, Витька не звонил? – Аля быстро справилась о своём, понимая, что беседа подходит к завершению.

– Витя? Нет, больше не звонил.

– Ну, ладно, пока, – коротко попрощалась Альбина. – И так заболтались. У тебя скоро Дима вернется, а я, может, и почитаю Ошо, прополощу мозги умными афоризмами.

Непростая она, Лара. Но родная. И плыть им вместе по тихой реке, бок о бок, долго-долго, вопреки всему, а всякие Лёнчики пусть нянчат своих внуков и не мешаются. Ишь, ты, дедок-ходок! Даже если... Даже если ей, Альбине, суждено с Виктором развестись, то они всё равно с Ларой останутся близкими. И останутся их беседы, и протянутся они в вечность.

Мысль о возможном разрыве с мужем явилась наглой самозванкой и больно обожгла. Развод. Резкое, хлесткое слово из двух частей! У Альбины давно закрепилась навязчивая привычка расчленять слова на составные части: сказывались и старательность в учёбе, и долгая работа редакторским корректором. Раз – приставка. Вод – корень. Раз – и больше не водимся вместе. Обретаемся каждый сам по себе. Вроде бы просто и даже обыденно, ведь так много пар разводятся, и никто не умирает от этого. Но это для кого-то просто, но не для Альбины. Альбина никогда не жила в неполной семье. Из уютного родительского гнезда она прямёхонько переместилась в свою новоиспечённую ячейку общества. Мама и папа передали дочку мужу, и другого серьёзного житейского опыта у неё не было.

Что она знала о взрослой жизни до Вити? Ничего серьёзного до него у Альбины не происходило. Дружила с мальчиком в школе, но никаких особых эмоций не испытывала. В студенческие годы не скучала, но много занималась, оценки в зачетке были для неё важнее, чем какие-то невнятные отношения с однокурсниками. Правда, клеился к ней один молодой препод, на машине домой подвозил, шоколадки дарил, многозначительно пронзал взглядом и словом. Даже мать напряглась, наблюдая за этими ухаживаниями, но сама Альбина не испытывала сердечного трепета. Она будто знала, что всё у неё ещё впереди.

Альбина выглянула в окно. На улице смеркалось, но соседка Елена ещё сидела во дворе. «Может, мне с ней надо потолковать за жизнь? – едко усмехнулась про себя Аля. – Она баба битая, тёртая, может, поведает, как оно бывает, когда всё рушится, какие возникают нюансы и полутона. Вдруг научит чему-нибудь?».

Возможно, есть другие галактики и планеты, заселённые сверхразумными существами, и всё у этих инопланетян иначе устроено – рационально и технично. Без нюансов. Но землянам необходимо выговариваться. И быть понятыми. И многолетний поиск братьев по разуму во Вселенной – отчаянная попытка разделить хоть с кем-то свою вселенскую тоску.

Глава 5

Колбасная королева

Альбина надеялась, что Виктор вернется за выходные дни – к понедельнику. Пусть даже очень поздно, но придет и расскажет, куда так внезапно исчезал! И тогда был бы веселый ночной переполох, и плеск воды в ванной, и чай на кухне, а потом сладкий сон вместе, в обнимку. Но Виктор не шел и не шел...

Вечером в воскресенье раздался настойчивый звонок в дверь.

Внутри всё затрепетало. Кровь забурлила, вспенилась, прилила к щекам. Альбине стало нестерпимо жарко. «Это Витя, это Витя, это Витя!», – молоточком колотилось в мозгу. Она никого не ждала, кроме мужа, словно белый свет на нём клином сошелся. Идя открывать, Альбина уже твёрдо решила, что простит мужу всё и сразу, без докучливых объяснений, и они просто поужинают как ни в чём ни бывало. Сейчас, сейчас наваждение развеется, и всё встанет на свои места – стоит только Виктору шагнуть через порог! Надо скорее отворить дверь, впустить Виктора и воздух майских улиц, который обязательно ворвется вместе с ним. Быстрее, быстрее, а то она просто не выдержит напряжения!

На пороге стояла свекровь, Калиновская Эмма Васильевна, мать Виктора. На мгновение Альбине показалось, что она вот-вот потеряет сознание, но всё обошлось. Ничего сверхъестественного не случилось, она устояла, выдержала и даже изобразила на лице подобие вежливой улыбки.

– Здравствуйте, – проговорила Альбина.

– Добрый вечер! Ты меня явно не ждала, но ничего, я погощу недолго. А ты чего такая бледная? Нездоровится? – зоркая свекровь всё же заметила минутное замешательство невестки.

– Вы меня давно не видели без румян, – быстро нашлась Альбина. Она только что пережила вначале сильнейшее возбуждение, а затем сильнейшее потрясение, и здравый смысл возвращался к ней мелкой поступью. – Я ведь анемичная, у меня кожа бледная сама по себе.

– Ну, да, ты вечно с румянами в сумочке ходишь! Вот я – всегда была кровь с молоком! В любые времена! Вот и сейчас, смотри – у меня хороший цвет лица без дорогостоящих косметических процедур! – горделиво заявила свекровь, демонстративно любуясь на себя в зеркало. – Ну, у кого ещё в моём возрасте такое лицо? У всех сверстников уже землистость и всяческие старческие дефекты повылазили, и мне все завидуют!

– Да, у вас цвет лица отменный, что и говорить, – прошелестела Альбина. Она знала, что самый лучший способ общения с Эммой Васильевной – смещение акцентов на неё саму. – Заходите, чаю попьем.

– Да уж зайду, зайду! И чаю попью, и поговорим. Вижу, ты удивлена, что я явилась без телефонного звонка. Так получилось! Я тут, в вашем районе, по магазинам бродила. Уж очень мне у вас нравится! И выбор богатый, и цены божеские. А самое главное – мне были нужны чешские настенные тарелочки, а где их теперь найдёшь? Везде один Китай! А у вас – «Дом чешского фарфора», как в старые добрые времена. А я-то задумала на кухне небольшое обновление интерьера, – поясняла свекровь.

– И что, купили тарелочки? – Альбина силилась поддерживать непринужденный дамский разговор.

– Купила три штуки. Покажу, а ты оценишь. Вышла из магазина и думаю, почему бы к вам не заглянуть, раз я рядом. А свалилась я тебе как снег на голову, потому что ваши консержки меня знают, пускают легко, а на этаже дверь была открыта, соседские дети куда-

то выходили. Вот и я образовалась как чёрт из табакерки! – свекровь вышучивала ситуацию и была весьма довольна собой.

Голос Эммы Васильевны звенел, глаза блестели, хорошее настроение рвалось наружу, и она была говорлива как никогда. Ощущалось, что ей понравился тот эффект неожиданно-сти, который она произвела своим внезапным появлением. «Если так весела наша Эммочка, то, видимо, ничего о Викторе не знает», – сообразила Альбина. – «Значит, Лара не стала тревожить мать до выяснения всех обстоятельств. Калиновские – они такие. У них основная задача – не волновать маму».

– А где Виктор, где Вовка? – поинтересовалась Эмма Васильевна, словно уловив мысли невестки.

– Вовка? Он с классом уехал в Питер, завтра будет к вечеру. Помните, они давно к этой поездке готовились?

Аля задала вопрос со скрытым упрёком – мол, как же образцовая бабушка про внука не помнит? Однако Эммочка и тут оригинально извернулась, опять сместив фокус внимания на себя, любимую.

– Вылетело из головы! – весело призналась свекровь и элегантно шлёпнула себя по лбу ухоженными пальчиками. – А сейчас вспомнила! Ну, точно! Он же собирался в Петербург! Да просто у меня такие события, такие события творятся, что всё остальное напрочь забывается!

– Да что вы говорите? А что происходит? Что-то приятное, я надеюсь? – осторожно спросила Аля. Она всегда осторожничала со свекровью.

– Мы с Андреем Семёновичем решили жить вместе и даже собрались расписаться, узаконить отношения! – с важностью заявила свекровь. – Я подумала, что надо вам сообщить о нашем решении заранее, до того, как он ко мне окончательно переедет!

Андрей Семёнович был поздней, последней любовью вдовой Эммы Васильевны. Отец Виктора рано ушёл из жизни, он страдал врожденным пороком сердца, и в годы перестройки, в годы слома привычного миропорядка сломался и он. Эмма Васильевна, конечно же, горевала, и выдержала строгий годичный траур, но смерть мужа не явилась для неё таким уж трагическим событием. Она как будто бы была готова к такому повороту и вполне стоически перенесла утрату. У неё имелся свой круг общения, свои разнообразные интересы, и вдова даже стала ездить на курорты для поддержания слабеющего здоровья. По старой привычке она предпочитала Сочи, Кисловодск и Ялту всем заграничным ривьерам, и именно в Крыму она и познакомилась с бывшим военным инженером, гражданином Украины по фамилии Слива. Далее кажется логичным заявить, что этот Слива был ещё тот скользкий и слащавый фрукт, престарелый курортный ловелас, но фамилия совсем не отражала сути этого вполне приличного человека. Приятель Эммы Васильевны был интеллигентен, обходителен, симпатичен, но стройный ряд блистательных качеств никак нельзя дополнить словом **«порядочен»**, потому что мешает маленькое **«но»**. Слива имел распространённый мужской недостаток – он состоял в долголетнем браке.

Впрочем, семейное положение Андрея Семёновича не явилось помехой для длительных и очень насыщенных отношений с Эммой Васильевной. Настоящий полковник ловко совмещал в своей жизни двух женщин. Он жил в Киеве, продолжал работать и находил возможности наезжать в Москву, а летом немолодые, но пылкие любовники вместе выбирались на курорты. Виктор и Лара подбрасывали матери деньги, и она не ощущала никакой ущербности и не особенно обременяла своего дорогого полковника.

– Ты, наверно, хочешь меня спросить, как же его семья? – Эмма Васильевна сама определила дальнейший ход беседы, и Аля была ей благодарна за это, потому что совершенно

не представляла, о чём можно спрашивать, а о чём лучше промолчать. Нрав у Эммы Васильевны был крутой.

– И как же его семья? – вторила Аля бесцветным голосом.

– А он разводится! – ликующе сообщила свекровь.

– Значит, нас скоро ожидает свадебный пир? – уточнила Аля, и спохватилась – не слишком ли иронично прозвучали её слова.

– Мне бы так хотелось настоящего торжества! – мечтательно воскликнула свекровь. Она явно была в ударе. – Но Андрей Семёнович не хочет, он скромный человек, и немного смущён, что ему придется переехать ко мне. Нам ведь обязательно нужно пожениться, чтобы уладить все формальности, он же гражданин другой страны! И мы обязательно отметим это событие, детали обговорим позже, с Витюшей, с Ларой. Но прежде Андрею Семёновичу надо развод оформить, как полагается, и все имущественные дела уладить. А где Виктор-то? Ты так ничего мне и не сказала!

– Витя в отъезде по работе, – быстро соврала Аля.

– В командировке что ли?

– Да, на подмосковных объектах, – Аля продолжала бодро лгать, хотя сама понятия не имела, где в данный момент находится её муж.

– Так чего же он не вернулся на выходные? – недоумевала Эмма Васильевна.

– А он только сегодня уехал. Сегодня, да. Чтобы завтра с утра приступить к делам. Ну, и избежать пробок, вы же понимаете. С утра, да в понедельник – одни пробки на дорогах! – вдохновенно сочиняла Альбина, оправдывая загулявшего супруга перед его матерью.

– Ну, да-да. Правильно, конечно, предусмотрительно, – согласилась свекровь. – Ладно, успеется, узнает ещё! Даже и хорошо, что его нет дома! Мы с тобой одни поболтаем, посплетничаем по-женски! Представляешь, мне ведь на днях звонила его жена!

– Чья? – не поняла Аля.

– Да Андрея Семёновича! – слегка раздраженно выпалила Эмма Васильевна. – Неужели не понятно?!

– Зачем?

– Хотела пристыдить. Мол, разрушаю многолетний брак и всё такое. А чего там разрушать – у них всё давно шаталось! Она что, слепая, что ли была все эти годы? Раньше надо было хлопотать, теперь чего уж! И ещё она допытывалась, сколько мне лет. А какая разница – сколько! Женщина всегда женщина! – заявила свекровь. – Ну, я ей выдала! Пусть обдумает на досуге мои слова.

Альбина не сомневалась в способностях свекрови, та умела лидировать во всём, и понимала, что стыдить Эмму Васильевну бесполезно. Так же тщетно было напоминать ей о возрасте – Эмочка не считала, что бабий век короток, по крайней мере, её собственный. Если она вполне способна отбивать чужих мужей, какие ещё нужны доказательства? И цвет лица у неё прекрасный, и фигура статная, и голова соображает, и за словом в карман эта женщина не полезет. Не на ту напали.

Эмма Васильевна родилась в сентябре 1945, в год Победы, когда люди были полны энтузиазма и неуёмной жажды жизни. Мать её, бабушка Виктора, была безмерно счастлива тем, что муж вернулся с фронта живым. Василий Иванович слегка хромотал после ранения ноги, но все конечности были целыми, не ампутированными. Случилось это за год до окончания войны, когда другим женщинам ещё предстояло ждать и ждать своих мужчин и проводить в тревоге дни и ночи. А она, счастливица, спала в обнимку с мужем и самозабвенно забеременела, не задумываясь, смогут ли они поднять ребёнка в такие трудные дни, хватит

ли у них средств и здоровья. Тогда об этом не рассуждали – не то, что сейчас. Тогда женщины просто рожали, если было от кого. Послеродовые депрессии придумали гораздо позже.

Об отце Эммы Васильевны отдельный рассказ. Этот красивый, умнейший и способный человек уже в молодые годы считался специалистом по организации пищевых производств. Он входил в число ценных номенклатурных работников, которых могли командировать куда угодно. В конце 30-ых годов его направили в Пермь. Номенклатура всегда была на виду, и на руководителей часто писали доносы – такое время было. Так случилось и с Василием Ивановичем. Арестовали его в 1940-м году, а в 1941-м отправили на фронт в штрафной батальон.

С бесправными штрафниками не церемонились. Их бросали в самую бойню, как живой заслон, предоставляя одну возможность – кровью смыть вину перед государством, хоть доказана она, хоть нет. Дед Виктора многое пережил, но ему повезло больше остальных. В одном из боев он был контужен и ранен, остался беспомощным на поле битвы. Спасла его санитарная собака, овчарка. Умное животное вытащило полуживого бойца, и в память об этой псине Василий Иванович всегда держал овчарок в доме. А жена и не возражала, она не перечила мужу. Такие были времена: люди могли предать, а собака – спасти. Собаки не понимают двусмысленности и двойных стандартов. Они честны и верны до конца, даже перед угрозой смертельной опасности.

Впоследствии дед Виктора был назначен директором нового строящегося мясокомбината в ближнем Подмоскowie, и в семье всегда неплохо питались благодаря его возможностям. Эмма Васильевна обожала вспоминать, какие у них устраивались застолья, как баловал их с сестрой отец. «Какой я только колбаски не едала!» – очень часто повторяла она. Или вот так: «Нет, таких колбас сейчас не делают! Вот раньше колбасы были! Всё натуральное, никаких добавок!» Её лучшие годы пришлись на ту пору, когда колбаса почиталась ценным продуктом, атрибутом престижной жизни, знаком благополучия и достатка в семье. Это сейчас колбасу не считают продуктом здорового питания, а в молодость Эммы Васильевны существовала одна диета – кушать сытнее и больше. Как-то Виктор шутливо сказал: «Ты, мам, у нас колбасная королева!» А она и не обиделась, ей даже понравилось. Чем не королева?

Колбасу Эмма Васильевна уважала. Любительскую, докторскую, отдельную, московскую варено-копченую, таллиннскую. Даже ливерную, но только настоящую. Ту, прежнюю, можно было поджарить, с луком или с яйцом, и употребить со свежим хлебом! А можно было и так съесть – отрезать толстое колечко и на булочку! Однако теперь такую ливерную не найти, её не делают по старым рецептурам, многие и вкуса настоящей ливерной колбаски не знают, так что зря рассуждать! Да и хлеб нынче не тот, с нынешним старым добрым аппетитный бутерброд не соорудить.

Родную старшую сестру Эммы Васильевны звали просто и незатейливо – Зинаида. А её имя – Эмма – было явно заимствованным, трофейным, европейским, особенным. Она и сама всегда была особенная, незаурядная. До преклонных лет. А отец её, Василий Иванович, прожил долго и со вкусом. Уж очень жизнь любил. И на курорты обожал ездить. И знал толк в добром вине, и в женщинах. Мужчина был хоть куда – неважно, что хромым. Этот недостаток даже добавлял ему мужского очарования.

Постепенно Альбина оттаяла и активно включилась в беседу. Она так осмелела, что поведала свекрови о происшествии в кафе «Венеция», заметив вскользь, что забежала туда выпить чашечку кофе и угодила на самодеятельный спектакль.

– А меня этот скандал не удивляет! – заявила свекровь. – Знаешь сколько у меня приятельниц, которые именно так и думают о своих мужьях, но только не всем об этом говорят? А на днях по телевизору в каком-то новостном обзоре показывали сюжет. Такое же застолье в Америке. Люди так же в ресторане отмечали юбилей семейной жизни. Супруги повздорили, и муж расстрелял гостей и жену во время ссоры! Убил насмерть несколько человек! Вот

происшествие так происшествие! Накал страстей! А тут – пощечина! Это мелочи жизни! Настоящий мужчина должен с достоинством сносить пощечины от женщины!

Эммочке невозможно было возражать. В её полнокровной жизни случались и драматические сцены, и пощечины. Она пережила и ревность, и вдовство, и теперь испытывала новый всполох зрелой страсти. Собственная судьба казалась ей увлекательной историей – на зависть всем типичным обывателям, живущим несмело, а потому – скучно.

Альбина проводила Эмму Васильевну до станции метро.

– Славно мы с тобой скоротали вечерок! – благодушно сказала свекровь на прощание.

Обе женщины и в самом деле остались довольны – каждая на свой лад. Свекровь гордилась, что её личная жизнь бурлива, и она ещё способна производить фурор, а невестка радовалась, что сумела выкрутиться и скрыть вероломное исчезновение Виктора из семьи. Аля даже подзарядилась оптимизмом Эммы Васильевны, и обратный путь преодолевала прогулочным шагом, бесхитростно наслаждаясь хорошей погодой.

На улицах царил весеннее оживление. Теплый майский вечер выманивал горожан из квартир, каждый придумывал себе повод, чтобы вырваться на свежий воздух. Кто-то с детскими колясками прохаживался, кто собак выгуливал, кто на роликах выписывал пируэты, и все лица выражали безмятежность, словно люди сговорились пару-тройку часов не придавать значения проблемам и думать только о хорошем.

Альбина шла неторопливо, легкой поступью. Дома её никто не ждал, и можно было посмотреть, что происходит на районе. «На районе» – это выражение как-то незаметно внедрилось в быт, старшие москвичи стали употреблять его вслед за молодежью, и московский лексикон пополнился ещё одним устойчивым оборотом речи. «Мам, я на районе!», – так говорил Вовка, если она осведомлялась по телефону, где обретается сын. «Я уже на районе», – сообщал ей Виктор, когда она ждала его с работы. Это означало «возле дома», «рядом», в шаговой доступности. Теперь на районе пребывала одна Аля, а домочадцы находились где-то вдали.

А вокруг происходило обыкновенное ежевечернее чудо – загорались фонари, включалась подсветка витрин и зданий, и окна квартир озарялись тёплым сиянием. Москва готовилась встретить иссиня-черную ночь во всём великолепии. Город украшался миллионами огней, Альбина видела это представление сотни раз, но всё же невольно залюбовалась. Ночная Москва настолько красива, что её очарование околдовывает даже тех, кто пролетает над столицей на самолетах. Аля не раз испытывала мощное притяжение родного города, находясь на большой высоте над ним. Это легко почувствовать, если сердце открыто. Казалось, что в таком блистательном мегаполисе все должны быть счастливыми и благополучными! Здесь сама земля заряжает, воздух питает, а стены нашептывают головокружительные пророчества. Москва издавна защищалась своей красотой от больших невзгод. А иначе к чему она, красота, если не во спасение?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.